

ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ ЭПИГРАММЫ НА АРХИМАНДРИТА ФОТИЯ И ГРАФИНИЮ ОРЛОВУ.

Таких эпиграмм в собраниях сочинений Пушкина три: одна направлена только против Фотия, две другие — против Фотия и Орловой вместе. Автографов не только не сохранилось, но даже не осталось никаких указаний на то, что таковые когда-либо существовали. В печати же все три эпиграммы появились впервые в берлинском издании в 1861 г., причем редактор его, Гербель, решительно ничем не доказывает подлинности этих произведений, хотя и называет все вещи, вошедшие в его книгу, «действительно принадлежащими Пушкину»¹⁾. Первая эпиграмма («Полу-фанатик, полу-плут...») во всех собраниях сочинений Пушкина внесена в текст без всяких колебаний, а две последние («Благочестивая жена» и «Разговор Фотия с гр. Орловой») подвергаются сомнению: С. А. Венгеров хотя и внес их в текст I тома редактируемого им издания, но с оговоркой в скобках — (Приписывается Пушкину); во II томе Академического издания они даны В. Е. Якушкиным только в примечании к первой («Полу-фанатик, полу-плут...»); П. А. Ефремов, поместив их в состоящем из примечаний последнем (VIII) томе издания 1905 г., не считает доказанной их принадлежность Пушкину; у П. О. Морозова в издании «Просвещения» они совершенно не напечатаны²⁾.

¹⁾ «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Дополнение к шести томам Петербургского издания, под редакцией «Русского» (Гербеля), изд. Вагнера, Берлин, 1861 г. Предисловие стр. VII.

²⁾ В I томе сочинений Пушкина, издаваемых Государственным Издательством в Москве под редакцией В. Я. Брюсова, все три эпиграммы включены

Не совсем понятно, чем руководствовались редакторы сочинений поэта, проводя такое неравенство. Это особенно непонятно после слов В. Е. Якушкина в упомянутом примечании: «Точных указаний на принадлежность этих эпиграмм Пушкину нет, хотя надо заметить, что таких указаний нет и относительно некоторых других произведений Пушкина, дошедших до нас только в списках; в том числе таких указаний нет и относительно, например, эпиграмм на кн. Голицына или на Фотия»¹⁾.

Так почему же, спрашивается, эпиграмма на Фотия попала в текст, а эпиграммы на Орлову только в комментарии, на задворки? Причиной этого, очевидно, является общая невыясненность вопроса об эпиграммах и их принадлежности Пушкину. Чтобы разрешить его в ту или иную сторону, надо прежде всего выяснить хронологию.

Ни одна из трех эпиграмм у Гербея не датирована — ни в тексте, ни в примечаниях. С. А. Венгеров отнес их к 1819 г., Н. О. Лернер, в своей книге «Труды и дни Пушкина», — к 1818—20 г.г. Последний и в издании С. А. Венгерова осторожно заметил относительно эпиграмм на Орлову, что «они, видимо, относятся к периоду 1818—20 г.г., когда Пушкин яростно преследовал своим пером «украшенных глупцов, святых невежд, почетных подлецов» и презирал «мистика придворного кривлянья»²⁾. (Курсив мой.)

По отношению к первой эпиграмме Л. Н. Майков в «Материалах»³⁾ и П. А. Ефремов в издании 1903—05 г.г. определенно остановились на 1819 г. В. Е. Якушкин принял эту хронологию, признавая, что эпиграмма скорее может «принадлежать к 1819 г., именно ко второй его половине, по настроению поэта в то время»⁴⁾. С. А. Венгеров, как сказано выше, тоже примкнул к ним в своем издании, и только один П. О. Морозов в издании «Просвещения» остановился почему-то на 1818 г.

в отдел «Стихов на политические темы, эпиграмм и мелочей, 1817 — 1820 г.г.» под «1818 годом?» (стр. 131—2) — *Ред.*

1) Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, т. II. Примечания, стр. 153.

2) Сочинения Пушкина, под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 536.

3) Л. Майков. Материалы к академическому изданию сочинений Пушкина, 1902 г., стр. 153.

4) Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, т. II, стр. 152.

Таким образом, все названные исследователи не заходят дальше половины 1820 г., когда поэт был сослан на юг — и уже едва ли стал бы писать злободневные эпиграммы на лиц, от которых находился за тысячи верст, и, следовательно, не так явственно ощущал их вредное влияние на общественную жизнь.

Более внимательное изучение эпиграмм заставляет, однако, усомниться в правильности принятой датировки. Обратим прежде всего внимание на упоминаемые во второй и третьей эпиграммах факты из жизни Фотия: во-первых, — на его близость с Орловой; во-вторых, — на его архимандритство. К каким годам они относятся?

В апрельской книжке журнала «Голос Минувшего» за 1913 г., в заметке «Пушкин, Фотий и гр. Орлова» Н. О. Лернер указывает, ссылаясь на «опубликованные недавно гр. В. Орловым-Давыдовым записки Фотия в «Русском Архиве» 1908 г., — что первая встреча архимандрита с Орловой состоялась лишь 2 мая 1820 г. Но эта встреча не имела никаких реальных, ни, тем более, общественных результатов», только «почти через два года их отношения наладились»; следовательно — «в 1819—20 г.г. отношения Орловой и Фотия еще не могли занимать общественное мнение, и Пушкин не мог написать своих эпиграмм в Петербурге, а только «на юге или в деревне», что психологически мало вероятно.

Все это так, но Н. О. Лернер скорее случайно натолкнулся на свое открытие, нежели сознательно пришел к нему, в целях установления хронологии эпиграмм поставив вопрос об упоминаемых в них фактах.

Орлов-Давыдов напечатал в «Русском Архиве» биографию своего деда, гр. Владимира Григорьевича Орлова (брата знаменитых екатерининских Орловых); говоря о Владимире Орлове, поневоле нужно было коснуться его племянницы, гр. Анны Алексеевны Орловой-Чесменской, а касаясь ее — упомянуть о Фотии. Так что Орлов-Давыдов не «опубликовал записок Фотия», а дал из них только очень краткие выдержки, говорящие о наиболее ярких моментах отношений Фотия к Орловой.

Необходимо взять наряду с биографией Влад. Орлова также и автобиографию самого Фотия, которая была впервые опубликована полностью в «Русской Старине» в 1894—6 г.г. (а отдельные отрывки

из нее стали появляться в печати еще с 1868 г.); биографию Фотия в «Вестнике Европы» 1878 г., составленную Миропольским, которую С. А. Венгеров считает «наиболее обстоятельной»¹⁾ и которую рекомендует и П. О. Морозов²⁾; биографию Орловой, составленную Елагиным, на которую ссылается сам Н. О. Лернер в своей заметке; наконец, анонимную статью о Фотии с литературой предмета в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона (71 полутом). В них мы находим определенные указания как относительно архимандритства Фотия, так и его отношений к Орловой.

Вот как начинается в автобиографии Фотия 2-ая глава II книги: «Лето 1822-е благодатное» (Фотий почти всегда говорит о себе в третьем лице): «Когда Фотий себе гнездо по сердцу своему для всегданнего прѣбывания и покоя свил в недрах святой обители Деревяницкия³⁾, вдруг получил известие, что назначен по указу святейшего синода в архимандрита Сквородского его произвести в Нове-Граде же..... указ пришел, и новый приехавший архиерей 29-го генваря в Софийском соборе преосвященный Сильвестр произвел в архимандрита»⁴⁾.

Итак, Фотий стал архимандритом только в 1822 г.; а между тем, известная эпиграмма, относившаяся ко времени, не позже половины 1820 г., гласит следующее:

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грешной плотию —
Архимандриту Фотию. (Курсив мой.)

Ясно, что эта эпиграмма не могла быть написана, кем бы то ни было во время пребывания Пушкина в Петербурге и вообще раньше 1822 г., — не только потому, что в ней говорится о близости Фотия к Орловой, но также и потому, что здесь Фотий назван «архимандритом».

1) Сочинения Пушкина, изд. Брокгауза Ефрона, т. I, стр. 510.

2) Сочинения Пушкина, изд. «Просвещение», т. I, стр. 540.

3) Он был сюда удален из Петербурга почти одновременно с высылкой Пушкина на юг (да и ссылка Фотия носила приблизительно такой же «почетный» характер).

4) «Русская Старина», 1895 г., февраль, стр. 187.

Что касается отношений Орловой и Фотия, то в первый раз увидела, или, вернее говоря, услышала Фотия Орлова еще в 1818 г. (в церкви 2-го петербургского кадетского корпуса, где иеромонах Фотий был законоучителем). Добиваясь знакомства с ним, она даже переехала из Москвы на постоянное жительство в Петербург. Но целых два года это знакомство не могло, почему-то, состояться. Первое «писание» от графини Фотий получил «1820-го года апреля 27-го дня пополудни о часе 6-м» (так записал он сам, справедливо считая это событие в высшей степени важным в своей жизни)¹⁾.

А первое личное свидание произошло только «1820-го года мая 1-го дня», как раз в «день рождения девицы сея праведныя» (там же). Это число следует особенно подчеркнуть потому, что день выезда Пушкина в Екатеринослав, как известно, 6 мая. Следующее же свидание иеромонаха с Орловой состоялось лишь через неделю после первого, когда Пушкин был уже в дороге.

Приведенные данные подтверждают мнение Н. О. Лернера, высказанное в вышеназванной статье: вероятнее предположение, что не он [Пушкин] был автором приведенных эпиграмм. Они принадлежат эпохе, когда он жил на юге или в деревне, вдали от столичных «злов дня», и притом проникся холодно-скептическим «умеренным демократизмом» и оставил прежний пламенный политический романтизм, убедившись, как мало отзывчиво общество на «клич чести». Поэтому в числе приписываемых Пушкину пьес эти две эпиграммы должны быть причтены к наиболее сомнительным».

К этому можно прибавить, что ни переписка Пушкина, ни сочинения за все время его «опалы» (с половины 1820 г. по 1826 г.), не дают нам никаких указаний на то, что поэт в этот период писал политические эпиграммы (а, ведь, Фотий, начиная с 1822 г., «делал политику»). Есть многочисленные эпиграммы на Каченовского, но нет ни одной политической достоверно-пушкинской. Да и где он их мог писать? Одесса была оживленным общественным центром юга России, но все же слишком далеким от столиц; Михайловское было ближе к ним, но было деревней. Следовательно, не было той атмосферы, той среды, которая могла создать подобные вещи. Потому-то «политические» произведения Пушкина этого пе-

¹⁾ «Русская Старина» 1894 г., октябрь, стр. 132.

риода и не носят эпиграмматической формы и отличаются общностью своей идеи (например, «Кинжал», «Андрей Шенье»).

Что расстояние было большим препятствием для выпадов против лиц, живших в Петербурге, косвенным образом подтверждается следующей фразой из письма поэта, писанного в конце 1822 г. из Кишинева кн. Вяземскому: «Думаю скоро сражаться с Бируковым, и стану доезжать его в этом смысле, но за 2000 верст мудрено щелкать его по носу». (Курсив мой; здесь имеется в виду «Первое послание цензору».)

Как видим, Пушкин находил «мудреной» борьбу даже с цензорами: «за 2000 верст мудрено щелкать по носу». Когда же он после долгого отсутствия появился в Москве и Петербурге, благодаря воцарению Николая Павловича, Фотий, — вследствие этого же воцарения, — уже сошел со сцены, на которой он так эффектно играл при жизни Александра I. Жизнь архимандрита с 1826 г. по 1838 г. (до смерти) была посвящена исключительно благоустройству Новгородского Юрьева монастыря и уже не могла интересовать столичного общества, а стало быть и Пушкина.

Таким образом, как будто ничто не говорит за принадлежность Пушкину эпиграмм на Фотия и Орлову, кроме разве соображений эстетических, хотя обе они в этом отношении далеко не равноценны. В самом деле, даже среди бесспорно-пушкинских эпиграмм, первая эпиграмма на Орлову «Благочестивая жена» резко выделяется своим необычайно-злым остроумием и необыкновенной сжатостью (10 слов в 4 строчках!..) По хлесткости и ядовитости ее можно сравнить только с эпиграммой на Карамзина: «В его «Истории» изящность, простота»... — тоже приписываемой Пушкину и тоже ставшей общеизвестной.

Зато «вторая» (эпиграмма на Орлову: «Разговор Фотия с гр. Орловой») несколько тяжеловата, и ее можно приписывать Пушкину с гораздо меньшей вероятностью, чем первую, — игривую, легкую, злую¹⁾. Напомним ее:

«Внимай, что я тебе вещаю:
«Я телом евнух, муж душой.
— Но что ж ты делаешь со мной?
«Я тело в душу превращаю».

¹⁾ Сочинения Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 536.

Остроумие, разумеется, надуманное и не первосортное.

Сравнивая содержание обеих эпиграмм, можно заметить, что в них варьируется одна и та же мысль (антитеза «души» и «тела»). Но делать отсюда какой-либо вывод об авторстве (одному ли лицу принадлежат обе пьески или разным) было бы рискованно.

Перейдем к эпиграмме на одного Фотия, которая почему-то считается несомненно пушкинской (только один Н. О. Лернер «приписывает» ее Пушкину вместе с эпиграммами на Орлову в «Трудах и Днях»). В разобранной мною заметке Н. С. Лернера о ней упомянуто только вскользь, на-ходу, в связи с эпиграммами на Орлову. А, между тем, она заслуживает самого пристального внимания. Прежде всего, укажу на ее сходство, прямо бросающееся в глаза, но, кажется, еще никем не отмеченное, с подлинной пушкинской эпиграммой на графа Воронцова. Вот они обе (курсив мой):

I.

П о л у-фанатик, п о л у-плут;
 Ему орудием духовным —
 Проклятье, меч и крест и кнут.
 Пошли нам, Госноди, греховным
 Поменьше пастырей таких,
 П о л у-благих, п о л у-святых.

II.

П о л у-герой, п о л у-невежда,
 К тому ж еще п о л у-подлец!...
 Но тут, однако ж, есть надежда
 Что п о л н ы й будет наконец.

Если эпиграмма «Полу-фанатик»... действительно подлинная, то странно, что имеющимися в ней приемами Пушкин воспользовался спустя несколько лет в другой эпиграмме. В таких случаях Пушкин не любил повторяться и подражать самому себе. Так что, по моему, это сходство должно служить доводом не про, а contra каноничности данной эпиграммы.

Но предположим, что Пушкин сам себя обокрал. К которому же году ее отнести? Исследователи, как мы видели, остановились на 1818 г. (П. О. Морозов) и 1819 (остальные) годах, (а Н. О. Лернер—

на 1818—20 г.г.) Так ли это? На первый взгляд такие датировки кажутся вполне допустимыми: 1) в эпиграмме нет упоминаний ни об Орловой, ни об архимандритстве; 2) Фотий начал свою «деятельность» еще в 1818 г. Но если произвести тщательный анализ того конкретного содержания, которое, несомненно, кроется под общими фразами разбираемой пьесы, мы придем к следующим выводам:

Во-первых, в первом стихе:

Полу-фанатик, полу-плут, —

слово «плут» намекает на отношения Фотия к Орловой (ставшие общественным достоянием, как мы видели, не ранее 1822 г.), и вот почему: графиня, «предавшаяся архимандриту, обладала многомиллионным состоянием, которое, не принадлежа de jure Фотию, de facto всецело находилось в его распоряжении, так как Орлова для него не останавливалась ни перед какими суммами. Это-то все и дало повод к обвинению Фотия в плутовстве. Современник — Александр Михайлович Тургенев — говорит в своих записках, что «15-ть миллионов графиня истратила с отцом Фотием на разные дела» ¹⁾..

Да, и позднейший биограф Фотия, Миропольский ²⁾ — правда, настроенный к нему очень враждебно — считает, что Фотий «всячески обирал» графиню (но не для себя, для «церкви»; à propos, Миропольский не утверждает, что отношения Фотия к Орловой имели интимный характер — это, действительно, было бы крайне неправдоподобно).

Во-вторых, в третьем стихе:

Проклятье, меч и крест и кнут, —

слово «проклятье» должно быть отнесено к анафеме, которой Фотий предал кн. Голицына весной 1824 г. и о которой много говорили в то время во всем петербургском обществе, так как случай был из ряда вон выходящий (нужно помнить, что Голицын в течение 30 лет считался другом государя). Ведь до 1824 г. Фотий, несмотря на свою агрессивность, ни с кем не боролся посредством «проклятья».

Сопоставляя оба эти соображения с прежним (эпиграмма 1824 г. на Воронцова), можно выставить следующую весьма вероятную гипотезу:

¹⁾ «Русская Старина» 1895 г., июнь, стр. 46.

²⁾ «Вестник Европы» 1878 г., ноябрь, стр. 55.

тезу: эпиграмма «Полу-фанатик, полу-плут» написана не Пушкиным, но кем-то, знавшим эпиграмму Пушкина на Воронцова; и притом она восходит ко времени не ранее 1824 г.

Если из трех приведенных соображений каждое в отдельности может показаться довольно слабым, то все три вместе должны представлять веский аргумент в пользу выставленной гипотезы.

Считаю излишним тут же заметить, что едва ли какие бы то ни было эпиграммы на Фотия могут относиться к 1818, 1819, 1821 и 1823 г.г.

В 1818 г. иеромонах Фотий еще не был замечен, хотя именно с этого года начал борьбу с «духом своего времени». Относительно следующего года Миропольский говорит, что «1819-й год был беден фактами деятельности в жизни Фотия, — это был год подготовительный. Главный предмет автобиографии в этом году — изложение разных новых учений и сект, с которыми затем боролся Фотий»¹⁾.

В 1821 г. (и второй половине 1820 г.) Фотий отсутствовал в Петербурге, находясь в Деревяницком монастыре. В 1823 же году Фотий находился в Юрьевом монастыре, хлопотал об его устройстве, а также гостил в Москве у графини, но там вращался исключительно в кругу своих поклонников.

«Деятельность» Фотия привлекала к себе общественное внимание не в эти годы, а в 1820, 1822 и 1824 г.г. К ним-то (а также по инерции к 1825 и 1826 г.г.), по всей вероятности, и относятся все существующие и существовавшие эпиграммы на Фотия.

В 1820 г. Фотий произнес настолько энергичную проповедь («Слово против духа времени и развращения») в Казанском соборе, что поплатился за нее высылкой из Петербурга. 1822 г. был самым богатым событиями в жизни Фотия — недаром он назван в автобиографии «благодатным»²⁾. 1824 г. был годом падения Голицына, а

¹⁾ «Вестник Европы», 1878 г. ноябрь, стр. 52.

²⁾ Об этом говорит уже один перечень фактов этого года, составленный самим Фотием (привожу с сокращениями):

Перевод из Деревяницкого в Сквородский монастырь и посвящение отца Фотия в священно-архимандрита. — Приезд девицы гр. Анны в Деревяницы 1822 г.г. — Вызов Фотия в Петербург, его приезд к митрополиту Серафиму, его благословение властей, проповедь, действо Фотия через духовные беседы

это последнее было самым значительным фактом во всей деятельности архимандрита.

Некоторые исследователи (Гербель и даже Л. Н. Майков в «Материалах») относили настоящую эпиграмму к министру народного просвещения и духовных дел кн. Голицыну — учредителю и первому президенту знаменитого Библиейского Общества. Это тем более странно, что содержание эпиграммы не согласуется с характером и темпераментом Голицына. Вспомним, что во «Втором послании к цензору» Пушкин называет Голицына — правда, иронически — благочестивой смиренной душой¹⁾.

Валентин Драганов.

9 октября 1914 г.

Р. S. Настоящая статья не может быть принята без оговорок. Безусловно выполнена в ней лишь задача хронологическая. Вопрос же о принадлежности эпиграмм Пушкину не только не решен В. Драгановым (в отрицательном смысле), но наоборот — именно в связи с новой хронологией — требует пересмотра в противоположном направлении. Причем и многое другое в аргументации В. Драганова также может быть обращено против него и в пользу гипотезы о принадлежности Пушкину прежде всего эпиграммы «Полу-фанатик, полу-плут...», а за нею и двух остальных в нисходящем порядке.

Дело в том, что вряд ли можно представлять ссыльного Пушкина таким «умеренным» и «охладевшим», каким он кажется В. Дра-

на лица знаменитые и первые, — ... — Гр. девица Анна А. Орлова-Чесменская делается духовной дочерью аввы Фотия, прилепляется к делу благочестия, православия и совет ей о браке благом на все полезном, духовном — ... — Первое свидание и беседование с князем Голицыным. — ... — Приезд императора из путешествия в Петербург и назначение Фотию явиться к нему. — ... — Вход отца Фотия к дарю, обращение и беседа с царем, и какую Господь дал благодать Фотию у царя, 1822 года 5-го июня. — Представление митрополита Серафима к награде отца Фотия драгоценным крестом. — Отъезд отца Фотия в обитель, представление его царице Марии и награда его от царицы. — ... — Второй вызов отца Фотия в Петербург для содействия к успешному течению дел по духовному ведомству. — Отравление ядом, а после 1822 года августа 1-го дня награждение аввы отца Фотия драгоценным крестом и запрещение тайных обществ и лож масонских от императора Александра. — Сам император посылает к отцу Фотию с получением креста поздравить.

¹⁾ «Русская Старина» 1895 г., февраль, стр. 187.

ганову вслед за Н. О. Лернером. Выполнив в значительной мере свою задачу певца освобождения в петербургский период, Пушкин на юге продолжал «сеять свободу» в умах своими произведениями, направленными против религии. Он мог не делать из этого цели, сознательно и планомерно преследуемой. Но в то же время «Пушкин-француз», выученик Вольтера и энциклопедистов, — не мог не видеть связи между поношением религии и борьбой со старым порядком (срв. статью Е. Кислицыной в настоящем сборнике). Вторичная ссылка в 1824 г. в Михайловское за «афеизм» дала ему почувствовать на собственном опыте всю реальность этой связи. Правда, к этому году как раз относятся известные стихи: «Свободы сеятель пустынный...» Но разочарование в революционности «народов» не означает еще положительного отношения к власти, остающейся по-прежнему «ярмом». В действительности же душевное состояние Пушкина, запертого в имении под гласным надзором полиции, было таково, что он немедленно стал думать то о бегстве за границу под предлогом «аневризма», то о «самоубийстве», о чем тотчас же и разнеслась «пророческая весть» (срв. письмо Жуковскому от 24 ноября 1824 г.). «Ожесточение» его было настолько велико, что принявший на себя непосредственный надзор отец поэта был вынужден вскоре оставить Михайловское и уехать со всею семьей. Одиночество, конечно, было облегчением. Но вместе с тем давало возможность сосредоточиться на мысли о главных виновниках заточения. Вопреки В. Драганову Михайловское отнюдь нельзя сравнивать с югом в отношении оторванности от столиц. Здесь Пушкин был несравненно лучше осведомлен о «злобах дня». Из них первую и главное был едва ли не Фотий, о котором просто трудно было бы не услышать. В. Драганов сам признает, что Фотий тогда «делал политику». Но можно сказать более — Фотий был эмблемою, символом всего ханжеского, поповско-полицейского режима второй половины Александровского царствования, как-то особенно, органически противного Пушкину (гораздо более во всяком случае последующего солдатского правления Николая Палкина). Пушкин и ранее не упускал случая отметить наиболее видных героев воинствующего мистицизма — Голицына, Бантыша-Каменского, Хвостову... Но Фотий — «полу-фанатик, полу-плут» — прикрывал собою столь же двойственную фигуру самого царственного «арлекина», как за фанатичкой Орловой легко можно было видеть самое

пресловутую «Кридинершу». — Тут, кстати, подвернулось и испытанное однажды оружие, завидное даже для самого Пушкина клише, уже раз блестяще оправданный художественный прием: Пушкин вспомнил эпиграмму на гр. Воронцова «Полу-милорд, полу-купец...» (посылка ее кн. Вяземскому в письме от 10 октября 1824 г.). Дело шло не о том, чтобы блеснуть перед публикой новым *bon-mot* (только в таком случае и могли бы иметь место соображения В. Драганова о невозможности заимствования у самого себя). Даже не о том, чтобы публично же «пригвоздить» врага. Но о том прежде всего, чтобы поэту одному найти самоосвобождение в творчестве, свободу от обуравших его тягостных чувств. Датировка В. Драганова эпиграммы «Полу-фанатик, полу-плут...» 1824 годом позволяет думать, что Пушкин именно так и сделал. — Две остальные эпиграммы могли быть написаны «не ранее 1822 года», но позже — не только в 1824 г., но и в 1825 и 1826 годах, «по инерции», как думает В. Драганов. Значит, тогда же в Михайловском Пушкин мог и их написать, причем кроме реального соотношения: Фотий—Орлова, здесь в основу мог лечь так же и художественный прием, однажды использованный в стихотворении «Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада», т.-е. одинаковое и, может быть, заведомо не верное для поэта истолкование отношений, как интимных. — Эстетические соображения, которые также не мешает иметь в виду, заставляют самого В. Драганова приписывать Пушкину первую эпиграмму «Благочестивая жена». В самом деле, о ней можно было бы без особого риска повторить то, что было сказано В. Брюсовым по поводу «Гавриилиады»: если автор ее не Пушкин, то значит в то время в России был другой поэт по силе равный Пушкину. — Общность антитезы «тела - душа» в эпиграммах «Благочестивая жена» и «Разговор Фотия с Орловой» заставляет относить их скорее к одному, нежели к двум авторам. — *Ред.*

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА
ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. В. ЯКОВЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922